

Даниил Александрович Аникин
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
Российский университет дружбы народов
г. Москва, Россия
E-mail: dandee@list.ru
ORCID: 0000-0001-6232-6557
ResearcherID: D-7070-2013
SPIN-код: 2015-5946

Геноцид советского народа: траектории правовой культуры и исторической политики

Аннотация. Характерными чертами современной исторической политики выступают криминализация и виктимизация, результатом чего становится конструирование коллективных травм как инструментов политической консолидации общества. Политическая инструментализация геноцида происходит в контексте мемориальных войн, разворачивающихся между странами Восточной Европы и Российской Федерацией по поводу переосмысления социалистического прошлого. Признание геноцидом таких исторических событий, как голод 1932–1933 гг., становится не только важным фактором гражданского нациестроительства, но и инструментом международной символической борьбы. Разработку понятия «геноцид» по отношению к преступлениям нацистского режима на уровне судебных решений и федерального законодательства стоит рассматривать как ответную реакцию на использования данного понятия странами Восточной Европы в качестве обоснования пересмотра поствоенного международного порядка, закрепленного решениями Нюрнбергского суда. Появление в 2024 г. законопроекта «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов», внесенного в Государственную Думу, оставляет неразъясненным ряд вопросов. Прежде всего это проблема интерпретации понятия «народ» с точки зрения этнического или гражданского понимания нации, кроме того, вопрос соотношения вновь разрабатываемых категорий мемориального законодательства с понятиями, уже закрепленными в действующих нормативных актах (жертвы Великой Отечественной войны).

Ключевые слова: геноцид, травма, мемориальный закон, советский народ, преступление против человечества, мемориальные войны, инструментализация, народ

Постановка проблемы. 18 июня 2024 г. группа депутатов представила в Государственную Думу РФ текст законопроекта «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». Показательно, что депутаты продемонстрировали редкое межфракционное единодушие в подготовке данного законопроекта, что само по себе еще не является гарантией его принятия, но символизирует то значение, которое придается данному проекту в процессе увековечивания памяти о Великой Отечественной войне. Как отмечает О.Ф. Русакова, «в государственном дискурсе историческая память рассматривается главным образом в качестве одного из структурных компонентов богатого набора традиционных ценностей, составляющих основу национальной идентичности России. Но вместе с тем понятие “историческая память” фигурирует в официальных документах еще и в качестве одного из доминирующих стратегических приоритетов национальной политики, связанной с защитой традиционных российских ценностей» (Русакова 2023: 37). Для современной исторической политики в России вопрос сохранения памяти о Великой Отечественной войне становится одним из ключевых, что придает анализу данного законопроекта не только научное, но и вполне прикладное значение.

Вопрос о нормативном закреплении понятия «геноцид советского народа» представляется крайне важным в контексте анализа мемориальных законов, принятых в последние годы в РФ, а также правоприменительной практики по мотивам этих законов. Данный вопрос имеет как сугубо правовое, так и теоретико-политологическое и социально-философское измерение.

В правовом смысле предлагаемый законопроект служит способом уточнения и конкретизации юридической ответственности за военные преступления по отношению к мирному населению, кроме того, он предполагает четкое определение полномочий государственных органов и органов местного самоуправления по увековечиванию памяти жертв Великой Отечественной войны.

В теоретико-политологическом смысле само появление законопроекта стоит рассматривать как закономерное развитие целой цепочки нормативных актов, регулирующих

и контролирующих способы обращения к прошлому. По отношению к подобным нормативным актам в современной социальной науке закрепилось наименование «мемориальных законов» (memory laws). Наиболее важным предметом исследования предстает тот политический контекст, который вызывает к жизни потребность в кодификации представлений о прошлом, а также выбор тех категорий, которые используются для подобной кодификации.

В социально-философском смысле существенным оказывается изменение моделей представлений о прошлом (прежде всего о Великой Отечественной войне) с точки зрения эмоциональной окрашенности данных воспоминаний, акцентирование внимания в публичном пространстве на травматичности и жертвенности исторической памяти о войне. Можно согласиться с Д.Э. Летняковым, отмечавшим следующее: «...коллективную память общества контрпродуктивно рассматривать как нечто единое, гомогенное и монолитное. Напротив, она представляет собой соединение разных элементов, нередко противоречащих друг другу» (Летняков 2021: 72). В этом смысле современная коллективная память российского общества также является крайне неоднородной, поэтому вопросы ее потенциальных расколов, а также нелинейной динамики представляются крайне важными для научного исследования.

В рамках данной статьи предполагается сосредоточиться на теоретико-политологических аспектах нормативного закрепления понятия «геноцид советского народа», внешнеполитических и внутривнутриполитических контекстах трансформации мемориального законодательства в данном направлении.

Тематика геноцида в контексте мемориальных законов.

Представление о существовании общих для определенного общества трагедий является важным элементом формирования и поддержания национальной идентичности, причем создание национальных государств как акторов политики памяти и политики идентичности привело к усвоению ими тех вариантов травматического восприятия прошлого, которые были выработаны в рамках христианского мировоззрения. Как считает А.В. Яркеев, «самопожертвование ради небесного отечества в итоге приобрело вид гражданского самопожертвования ради земной отчизны, а “мученичеству” героически павших был придан национальный

колорит» (Яркеев 2023: 22). В этом смысле обращение к коллективным травмам не является специфической характеристикой современного этапа развития политики памяти.

Н.Е. Копосов отметил: «Своеобразие нынешней исторической политики во многом коренится в двух важных особенностях современной памяти. Речь идет о криминализации и виктимизации прошлого – о взгляде на историю как на цепь преступлений и о стремлении человеческих коллективов представить себя в качестве их жертв» (Копосов 2011: 52). В этом видится ключевое отличие современного отношения к прошлому от романтической эпохи создания национальных нарративов в XIX в., когда прошлое мыслилось как приключенческий роман, в котором нация выступала главным действующим героем. Криминализация прошлого строится вокруг стремления представить историю сообществ как детектив, в ходе которого должен быть обязательно найден преступник, причем представления о том, кто именно должен быть определен в таком качестве, у большинства современных политических акторов существенно расходятся.

Виктимизация представляет собой процесс, в ходе которого формируется представление о существовании сообщества жертв, которые являются пострадавшими от совершенного преступления, что в свою очередь предполагает определенное восстановление справедливости (юридическое, экономическое или символическое воздаяние). Как справедливо отмечают К. Эльячефф и Д. Суле-Ларивьер, «на процессах Эйхмана (1961) и Клауса Барби (1987) непризнанные жертвы хотели, чтобы за ними был признан статус жертв преступления против человечности, а не героев. Это стало важным этапом, занявшим определенное время: появился язык, позволяющий жертвам говорить о себе, более того, стало обязательным искать причины появления жертв в тех или иных качествах современного мира» (Эльячефф, Суле-Ларивьер 2022: 29). Из этого следует, что, во-первых, само возникновение практики виктимизации напрямую соотносится с осознанием трагических последствий Второй мировой войны, а во-вторых, состояние жертвенности не рассматривается как случайное стечение обстоятельств, предполагает наличие персонифицированной или деперсонифицированной фигуры преступника.

Но там, где есть преступление, должно быть и наказание. Точнее говоря, представление о наличии в прошлом преступлений предполагает необходимость и возникновения тех нормативных рамок, которые позволяют установить ответственность за совершенное преступление, а самое главное, и призвать к ответу тех, кого современное виктимизированное сообщество считает преступниками.

Под мемориальными законами обычно подразумеваются нормативные акты, устанавливающие ответственность индивидуальных или коллективных субъектов за публичные высказывания о прошлом. В качестве примера первого такого закона приводится акт Гайсо (Gayssot Act), который был принят во Франции 13 июля 1990 г. и который установил юридическую ответственность за отрицание фактов геноцида, расизма и ксенофобии, в частности, за отрицание Холокоста. Именно упоминание конкретного исторического события (Холокост) делает этот нормативный акт ярким примером мемориального закона, ограничивающего возможность публичных высказываний по поводу прошлого с точки зрения не только национальных интересов, но и интересов человечества в целом. Но важно понимать, что у акта Гайсо была своя предыстория, связанная с закреплением в международном законодательстве самого понятия «геноцид», причем, несмотря на кажущуюся универсальность самого термина с точки зрения проявлений в различные исторические эпохи, его концептуализация напрямую связывалась с событиями Второй мировой войны.

9 декабря 1948 г. была принята Конвенция ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него», в которой было впервые сформулировано само понятие геноцида, точнее говоря, были обозначены критерии, по которым уголовное преступление могло быть отнесено к данной категории. «Под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу»¹.

¹ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 12.10.2024).

Сама потребность в уточнении понятия «геноцид» была вызвана деятельностью Нюрнбергского суда, а также тем, что в предшествующей резолюции ООН 96 (I) от 11 декабря 1946 г. геноцид просто провозглашался преступлением, нарушающим нормы международного права, но при этом точного юридического определения дано не было. В Конвенции 1948 г. было уточнено, что под определения геноцида подпадают действия, направленные против национальных, этнических, расовых или религиозных групп, что, с одной стороны, конкретизировало список сообществ, насильственные действия по отношению к которым могли расцениваться как геноцид, а с другой – оставляло определенный диапазон толкований, поскольку в качестве отдельных терминов использовались «национальный» (national) и «этнический» (ethnical). Подобная двусмысленность обращения к термину «нация» не позволяла конкретизировать, идет ли речь исключительно о нации в ее этническом значении либо о гражданской нации, что существенно расширяет потенциальную трактовку геноцида.

Еще один важный шаг на пути установления юридической ответственности за военные преступления был сделан в 1968 г., когда на Генеральной ассамблее ООН была принята Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества (резолюция 2391 (XXIII) от 26 ноября 1968 г.)². В преамбуле к ней напрямую проговаривалось, что отмена срока давности по отношению к военным преступлениям и преступлениям против человечества основывается на решениях Нюрнбергского трибунала. Показательно, что упоминание геноцида в содержании данной Конвенции свидетельствует об отсутствии знака равенства между данными видами преступлений. Точнее говоря, геноцид рассматривается как одно из преступлений против человечества, но не единственное, поскольку к таковым причисляется еще целый ряд преступлений, указанных в Уставе Международного нюрнбергского военного трибунала, а именно «убийства, истребление,

² Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/warcrimes_limit.shtml (дата обращения: 12.10.2024).

порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет»³.

Можно согласиться с Т.Г. Дадуани, что «между двумя связанными, но отличающимися понятиями “геноцид” и “преступления против человечности” существовала непростая взаимосвязь. Геноцид не только был квалифицирован в качестве международного преступления в рамках международной конвенции, но и сопровождался значительными дополнительными обязательствами, а именно: предотвращать преступления; вводить в действие национальные законы и применять наказание за преступление; взаимодействовать при выдаче преступников» (Дадуани 2011: 142). Вместе с тем расширительное толкование преступлений против человечества не предполагало, что каждое из них может рассматриваться как акт геноцида, но активное распространение именно в 1960-е годы представлений о Холокосте как главной трагедии мирного населения в годы Второй мировой войны привело к тому, что в общественном сознании укоренилось представление о неразрывной связи и даже взаимозаменяемости данных понятий. Таким образом, виктимизация памяти о Холокосте привела к появлению модели геноцида, которая стала ключевой для последующего политического и правового использования не только с точки зрения критериев отнесения того или иного события к геноциду, но и с точки зрения определения последствий для тех сообществ, которые выступали в качестве жертв.

Политическая инструментализация геноцида в контексте мемориальных войн. В начале XXI в. важным фактором международных отношений становится постепенное усложнение отношений между Российской Федерацией и странами Западной Европы, что не могло не найти отражение

³ Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901737883> (дата обращения: 12.10.2024).

и в сфере мемориальной политики – все отчетливее ставился вопрос об ответственности СССР не только за социалистические режимы в поствоенной Восточной Европе (концепция «двойной оккупации»), но и за само развязывание Второй мировой войны. Забегая вперед, можно напомнить, что именно последняя политико-правовая инвектива нашла отражение в резолюции Европейского парламента «О важности европейской памяти для будущего Европы», принятой 19 сентября 2019 г., где провозглашалась двойная ответственность СССР и Германии за развязывание войны⁴.

Но специфика «войны памяти» заключается в их своеобразном эпистемологическом статусе, поскольку их целью трудно считать выяснение окончательной истины относительно того или иного события. Вопрос заключается, скорее, в определении того сообщества, которое будет обладать моральным правом рассказывать историю, расставляя в ней акценты по поводу виновности или жертвенности. «Споры вокруг Второй мировой войны – это не борьба за внедрение некоторого убеждения относительно нее, а борьба за право быть рассказчиком нарратива о ней. Аналогично и все многочисленные темы “войн памяти” – это борьба за позицию рассказчика и все сопутствующие ей выгоды» (Илларионов, Мосиенко 2023: 40).

Любая коллективная травма, позволяющая представить определенное сообщество в качестве жертв (или наследников жертв) действий, имевших место в прошлом, становится сильным аргументом в процессе символической борьбы. Но в условиях девальвации жертвенности, когда любое сообщество может апеллировать к имевшим место в ее истории трагическим событиям, предполагающим виновность иного сообщества, становится важным уже не только обозначить саму коллективную травму, но и придать ей особый характер, переиграть противника на «символическом поле».

Тема геноцида, в европейской политико-правовом нарративе традиционно связываемая с Холокостом, именно в условиях переосмысления государствами Восточной Европы своих

⁴ European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 12.10.2024).

геополитических приоритетов и исторической политики приобретает новое звучание. С точки зрения политического контекста, апелляция к геноциду начинает наиболее активно использоваться по отношению к тем государствам, которые рассматриваются как остатки (или правопреемники) бывшего социалистического лагеря. В частности, в 2009 г. Европейский Парламент принимает резолюцию по Сребренице, в которой напрямую характеризует действия сербских войск по отношению к мирному населению как геноцид⁵. Параллельно разворачивается еще попытка переосмысления в качестве геноцида массового голода на территории Советского Союза, который получает в украинской историографии расхожее наименование «Голодомор».

Показательным является выстраивание концепции «Голодомора» как геноцида по уже сложившейся на примере Холокоста нормативной траектории. В 2003 г. Верховная Рада принимает решение о признании «Голодомора» геноцидом, а уже в 2006 г. принимается закон, устанавливающий юридическую ответственность за отрицание «Голодомора». В научной статье, исследующей различие российских и украинских позиций по поводу данного события, авторы отмечают, что восприятие голода 1932–1933 гг. не просто в качестве общей трагедии, а именно в качестве целенаправленного акта по искоренению украинского народа становится элементом гражданского национализма на Украине. «Голодомор» становится коллективной травмой, вокруг которой строятся попытки консолидации культурно и лингвистически разобщенного населения Украины, поэтому ключевым фактором виктимизации становится сугубо функциональная потребность в формировании национального травматического мифа (Меньковский и др. 2021). Схожую точку зрения высказывает и Г.В. Касьянов, помещая данный пример в более широкий контекст практик нацистроительства на постсоветском пространстве: «Миф о многострадальности той или иной нации является общим практически для всех историографий периода “национальных возрождений” не только в Европе, но и во всем мире (собственно, он является

⁵ European Parliament resolution of 15 January 2009 on Srebrenica. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2009-0028_EN.html?redirect (дата обращения: 12.10.2024).

необходимой частью сценария “национального возрождения”). На постсоветском пространстве он пользуется особой популярностью» (Касьянов 2004: 242).

Но если на территории Украины конструирование «Голодомора» как коллективной травмы началось еще в 1990-е гг., то постепенное распространение его среди европейских стран оказалось связано с общим охлаждением отношений между Россией и Евросоюзом. На протяжении 2000-х гг. более 15 стран официально признали факт «Голодомора», но при этом в различных формулировках: для ряда стран понятия «Голодомор» и «геноцид» выступали как синонимичные; для ряда стран «Голодомор» воспринимался как несомненное преступление советского режима или руководства Советского Союза, но при этом без факта геноцида.

К числу противников отождествления этих понятий относился прежде всего Израиль, выступавший против расширительной трактовки геноцида. По словам Э. Зуроффа, высказанным в 2019 г., «одной из самых больших проблем, с которыми мы сталкиваемся сейчас, является так называемая “теория двойного геноцида”, распространенная по всей Восточной Европе, где правительства пытаются утверждать, что преступления коммунистов были равносильны геноциду»⁶. По сути, речь шла о том, что геноцид из правового механизма, позволяющего обосновать возможность привлечения к ответственности без учета прошедшего времени, все больше превращался в политический инструмент для сведения счетов с идейными противниками.

Интенсификация процесса инструментализации «Голодомора» как геноцида была связана с вооруженным конфликтом на Украине. На протяжении осени 2022 г. в целом ряде европейских стран были приняты законодательные акты, в которых уже без лишних оговорок прозвучало признание «Голодомора» геноцидом с установлением юридической ответственности за его отрицание. Кульминацией этих публичных действий стало принятие Европейским парламентом резолюции, приуроченной к 90-летию со дня начала голода, в которой провозглашалось, что

⁶ Zuroff: Israel should not recognize Holodomor as genocide. URL: <https://www.jpost.com/israel-news/zuroff-israel-should-not-recognize-holodomor-as-genocide-578308> (дата обращения: 12.10.2024).

парламент «признает Голодомор – искусственно и преднамеренно созданный политикой советского режима голод в 1932–1933 годах в Украине – геноцидом украинского народа, так как он был осуществлен с целью уничтожить группу людей путем преднамеренного создания условий жизни, рассчитанных на ее физическое уничтожение»⁷. Все научные дискуссии о корректности использования данного термина по отношению к сложному и неоднозначному явлению массового голода 1932–1933 гг. остались позади, что вывело на первый план уже не правовой, а политический аспект данной проблемы.

Виктимизация бывших социалистических республик (как Восточной Европы, так и непосредственно постсоветского пространства) и являющаяся обратной стороной данного процесса криминализация России как правопреемника Советского Союза, имела вполне определенные последствия не только с точки зрения актуальной политической повестки, но и в контексте мемориальных войн. Статус жертвы позволял снять с целого ряда государств вопросы ответственности за преступления, совершенные в годы войны, в том числе и по отношению к народам Советского Союза, кроме того он открывал путь открытой героизации пособников нацистского режима из числа представителей восточноевропейских стран.

Логичной реакцией на формирование жертвенного нарратива на Украине стало стремление к обоснованию морального и юридического права России на привлечение к ответственности за совершенные преступления, что проявилось как в появлении целого ряда общественных проектов, так и в попытках нормативного закрепления подобного права.

От народов к народу: понятие геноцида в российской мемориальной повестке. Актуализация тематики нацистских преступлений против человечества на территории Российской Федерации (и шире – бывшего СССР) произошла в 2018 г., что было вызвано не только внешнеполитическими, но и внутриполитическими факторами.

⁷ Резолюция Европейского парламента от 15 декабря 2022 года «Спустя 90 лет после Голодомора: признание массового морения голодом геноцидом» (2022/3001(RSP)). URL: <https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/263124/1269638%2090%20years%20after%20Holodomor%2015.12.2022%20RU.pdf> (дата обращения: 12.10.2024).

Еще за несколько лет до этого, в 2014 г., появились поправки в Уголовный кодекс РФ, которые установили ответственность за реабилитацию нацизма (ст. 354.1 УК РФ), что стало, по сути, первым примером мемориального закона в России (Аникин, Головашина 2023). В том же 2014 г. были внесены поправки в статью 20.3 КОАП РФ, которая получила уточненное название «Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами»⁸.

Наконец, 9 мая 2018 г. был подписан Указ Президента РФ, запустивший подготовку празднования 75-летия Победы в Великой Отечественной войне, что предполагало разработку и утверждение плана подготовки и проведения основных праздничных мероприятий⁹. Планируемая в 2020 г. дата воспринималась как сравнимая по своему символическому потенциалу с предыдущей «круглой» годовщиной в 1995 г.

На заседании Организационного комитета «Победа» 12 декабря 2018 г. в выступлении Е.М. Цунаевой, являющейся по совместительству ответственным секретарем Поискового движения России и председателем комиссии Общественной палаты РФ по делам молодежи, развитию добровольчества и патриотическому воспитанию, прозвучала мысль о необходимости создания проекта «Без срока давности», направленного на актуализацию памяти о преступлениях нацистов против населения СССР.

Стоит обратить внимание на два момента, затронутые в этом выступлении. Во-первых, международный контекст переосмысления роли СССР в процессах борьбы с нацизмом: «Многие исполнители карательных акций избежали наказания, получив убежище за границей. Более того, они становятся символом

⁸ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Ст. 20.3. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/e3620d183bd6d1fe2ab8b0c912809857217325a2/ (дата обращения: 12.10.2024).

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2018 № 211 «О подготовке и проведении празднования 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43034> (дата обращения: 12.10.2024).

новой волны пересмотра итогов Второй мировой войны... К сожалению, в ряде стран это стало частью государственной политики, и это при полном попустительстве европейских соседей, которые тоже, видимо, уже забыли, к чему привело бездействие их бабушек и дедушек в 30-е годы XX века»¹⁰. Во-вторых, именно в этом выступлении заходит речь о геноциде, причем по аналогии с Холокостом, но о геноциде не только евреев, но и других народов, проживавших на территории Советского Союза: «Преступление на всех временно оккупированных территориях нацистами однозначно свидетельствует о подлинном геноциде не только в отношении евреев, но и всего славянского народа»¹¹.

Запуск проекта «Без срока давности» в 2019 г. привел не только к активизации общественной деятельности по поиску захоронений и установке памятников жертвам нацизма, но и появлению правовой практики возбуждения уголовных дел по статье 357 УК РФ за преступления, совершенные во время Великой Отечественной войны. Первым прецедентом вынесенного судебного решения стало признание военным преступлением против человечества массового убийства мирных граждан в 1942–1943 гг. в деревне Жестяная Горка Новгородской области. Солецкий районный суд, который вынес свой вердикт 27 октября 2020 г., согласился с доводами прокуратуры о том, что непризнание данного преступления геноцидом ограничит права потерпевших¹².

На протяжении последующих лет (2020–2024) аналогичные решения были приняты судами целого ряда субъектов Российской Федерации, причем динамика и география принимаемых решений позволяют судить о том, что в ближайшей перспективе все регионы, на территории которых происходили

¹⁰ Заседание оргкомитета «Победа» (12 декабря 2018 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59388> (дата обращения: 12.10.2024).

¹¹ Там же.

¹² Кикнадзе В.Г. Геноцид нашего народа впервые признан судом, 28.10.2020 [Блог Владимира Кикнадзе. Вып. 39]. URL: <https://www.noo-journal.ru/blog/patrioticheskie-svodki-ot-vladimira-kiknadze/genotsid-naseleniya-rossii-resheniye-suda-novgorodskaya-oblast-zhestyanaya-gorka/> (дата обращения: 12.10.2024).

в 1941–1945 гг. военных действия, присоединятся к данному процессу. Осенью 2024 г. факт геноцида был официально установлен на территории республики Адыгеи (26 сентября)¹³ и Донецкой народной республики (1 октября).¹⁴

Не удивительно, что уже весной 2023 г. практика признания преступления против мирного населения проявлениями геноцида оказалась выведена на федеральный уровень. 22 марта 2023 г. появилось Заявление Государственной Думы РФ, в котором говорилось следующее: «Государственная Дума... признает преступные деяния немецко-фашистских захватчиков и их пособников в отношении мирного населения СССР геноцидом народов Советского Союза»¹⁵. В указанной формулировке следует подчеркнуть два принципиальных аспекта. Во-первых, это апелляция к нормативным актам ООН в части формулировок, уточняющих и конкретизирующих понятие геноцида («геноцид национальных, этнических и расовых групп, представлявших собой население СССР»). Во-вторых, это указание на множественное число тех народов, которые выступают жертвами целенаправленной деятельности по их уничтожению со стороны нацистов и их пособников (в том числе и из числа жителей оккупированных территорий).

Стенограмма заседания Государственной Думы позволяет оценить те разногласия, которые возникли между депутатами по поводу формулировок документа. В частности, было заявлено несколько вариантов уточнения состава народов СССР, а особое внимание предлагалось уделить русскому народу, что

¹³ В Адыгее суд удовлетворил заявление прокурора об установлении факта геноцида народов Советского Союза, подготовленное по поручению Генпрокурора России Игоря Краснова, 26.09.2024. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=98137931> (дата обращения: 12.10.2024).

¹⁴ В Донецке суд удовлетворил заявление прокурора об установлении факта геноцида народов Советского Союза, подготовленное по поручению Игоря Краснова, 01.10.2024. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=98237033> (дата обращения: 12.10.2024).

¹⁵ Заявление Государственной Думы «О геноциде народов Советского Союза Германией и ее пособниками в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 годов», 22.03.2023. URL: <http://duma.gov.ru/news/56676/> (дата обращения: 12.10.2024).

вызвало очень характерный комментарий председателя комитета по обороне А. Картаполова «Их убивали, резали, жгли, насиловали как граждан Советского Союза, а не как украинцев, белорусов, дагестанцев, евреев и татар, поймите это!»¹⁶. Несмотря на то, что уточнение про граждан Советского Союза в итоговый документ не вошло, оно очень хорошо характеризует ту категориальную развилку, в которой оказалась инициатива по приданию преступлениям против мирного населения статуса геноцида. Представление о геноциде по отношению к народам СССР более четко соответствует духу Конвенции 1948 г., но ставит вопрос о точном составе народов, подвергшихся геноциду (учитывая определенную двусмысленность переписей населения). Представление о геноциде по отношению к народу СССР в значении гражданской нации заставляет обращаться к буквальной трактовке Конвенции 1948 г. относительно различия этнических и национальных общностей, к тому же отсылая к формулировке Конституции 1977 г.: «...общество зрелых социалистических общественных отношений, в котором на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей – советский народ»¹⁷.

Отсутствие четкого решения данной задачи демонстрирует и законопроект «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов», внесенный в Государственную Думу 18 июня 2024 г.¹⁸ В нем, с одной стороны, «геноцид» применяется по отношению к термину «народ» в единственном числе, а с другой – в самом

¹⁶ Веретенникова К. Депутаты поискали прошлое в настоящем, 22.03.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5888941> (дата обращения: 12.10.2024).

¹⁷ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.). URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 12.10.2024).

¹⁸ Законопроект № 650430-8 «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/650430-8> (дата обращения: 12.10.2024).

определении геноцида советского народа содержится отсылка к этнической трактовке данного термина: «Геноцидом советского народа признаются действия нацистской Германии и ее пособников, направленные на полное или частичное уничтожение национальных, этнических и расовых групп, населявших территорию СССР, в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов»¹⁹. Связанные с неопределенностью терминологии затруднения носят не только сугубо теоретический характер, но и имеют вполне определенное практическое значение, поскольку позволяют поставить вопрос о соответствии принимаемых нормативных актов международному законодательству, в частности, Конвенциям 1948 и 1968 годов, разработанных при непосредственном участии представителей СССР. Кроме того, по справедливому комментарию на законопроект со стороны Счетной палаты, возникает коллизия, связанная с определением границ самого понятия «жертвы геноцида советского народа»: «...остается неясным, предполагается ли рассматривать жертв геноцида советского народа как отдельную от жертв Великой Отечественной войны категорию граждан, либо речь идет об уточнении понятия жертвы Великой Отечественной войны»²⁰. В настоящее время поправки в данный законопроект не внесены, поэтому понимание того, какая именно траектория будет выбрана для нормативного оформления темы геноцида, пока отсутствует.

В качестве заключительных выводов хочется отметить следующее:

1. Разворачивание мемориальных войн в современных международных отношениях приводит к стремлению использовать трагические события прошлого в качестве инструментов символической политики. Использование коллективных травм в качестве политических аргументов приводит к девальвации жертвенности, то есть утрате символического значения обычных войн или вооруженных конфликтов, что вынуждает стороны в попытке «повышения ставок» обращаться к тематике преступлений против человечества. При этом необходимо учитывать, что понятие «геноцид» не является юридически равным понятию «преступление против человечества», точнее

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

говоря, представляет лишь один из видов подобных преступлений.

2. Моделью для инструментализации геноцида становится Холокост, способы закрепления памяти о котором в символическом пространстве (памятники, публичные выступления, нормативные акты, устанавливающие ответственность за отрицание) начинают тиражироваться по отношению к тем событиям, которые обладают жертвенным потенциалом. Особую остроту использование геноцидов в символическом пространстве приобретает в условиях восточноевропейских и балканских стран, где исторически этническая неоднородность становится основанием для возможности подобной интерпретации.

3. Тематика геноцида в качестве способа реализации мемориальной культуры и исторической политики представляет собой сложное сочетание нескольких мотивов – как стремления сохранить в публичном пространстве память о совершенных преступлениях, так и акта символической борьбы, направленного на переосмысление исторической повестки. Вопрос о геноциде советского народа, активно затрагиваемый в последние годы не только в публичном пространстве, но и в нормативных актах и законопроектах, служит проявлением этой неоднозначности и противоречивости.

4. С правовой точки зрения, нуждающимися в дополнительной проработке и аргументации являются аргументы о существовании советского народа как самостоятельной национальной общности, что логически следует из формулировок Конвенции 1948 г., либо речь должна идти о геноциде народов Советского Союза, что запускает процесс внутренней символической конкуренции между отдельными политическими акторами уже внутри современной России. В рамках политической перспективы представляется важным исследование не только контекста актуализации подобной тематики в современном российском обществе, но и перспектив его трансформации в новую систему гражданских целей и приоритетов прежде всего для молодежи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аникин Д.А., Головашина О.В. 2023. Память в законе: нормативное регулирование политики памяти в сетевом пространстве //

Память в сети: цифровой поворот в memory studies / под ред. А.Ф. Павловского и А.И. Миллера. Санкт-Петербург : Изд-во Европ. ун-та. С. 166–179.

Дадунани Т.Г. 2011. Сравнительный анализ положений резолюции ГА ООН 96 (I) и Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». № 4. С. 140–147.

Илларионов Г.А., Мосиенко М.К. 2023 «Войны памяти» и проблема социально-эпистемологического релятивизма // Антиномии. Т. 23, вып. 1. С. 30–50. DOI 10.17506/26867206_2023_23_1_30

Касьянов Г. 2004. Разрытая могила: голод 1932–1933 годов в украинской историографии, политике и массовом сознании // Ab Imperio. № 3. С. 237–269.

Копосов Н.Е. 2011. Память строгого режима. История и политика в России. Москва : Новое лит. обозрение. 315 с.

Летняков Д.Э. 2021. Оспариваемое прошлое: к обоснованию плюралистического подхода к исторической памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». Т. 18, № 2. С. 61–76. DOI 10.17506/18179568_2021_18_2_61

Меньковский В.И. и др. 2021. «Голодные игры»: Голод 1932–1933 гг. в исторической политике Украины и России / В.И. Меньковский, М. Шмигель, Л. Дубинко-Гуща // Журнал Белорусского государственного университета. История. № 4. С. 7–20. DOI 10.33581/2520-6338-2021-4-7-20

Русакова О.Ф. 2023. Дискурс государственной политики памяти как фактор формирования национальной идентичности современной России // Дискурс-Пи. Т. 20. № 2. С. 32–51. DOI 10.17506/18179568_2023_20_2_32

Эльячеф К., Суле-Ларивьер Д. 2022. Время жертв. Москва : Ин-т общегуманит. исслед. 256 с.

Яркеев А.В. 2023. Роль политической теологии мученичества в становлении протонационального патриотизма в средневековой Европе // Антиномии. Т. 23, № 2. С. 7–26. DOI 10.17506/26867206_2023_23_2_7

Daniil A. Anikin

Lomonosov Moscow State University, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia. E-mail: dandee@list.ru

Genocide of the Soviet People: Trajectories of Legal Culture and Politics of Memory

Abstract. Criminalisation and victimisation, which characterise contemporary politics of memory, result in the construction

of collective traumas as instruments for the political consolidation of society. The political instrumentalisation of genocide occurs in the context of memory wars unfolding between the countries of Eastern Europe and the Russian Federation as part of a process of rethinking their common socialist past. The recognition of historical events such as the famine of 1932–1933 as “genocide” thus becomes not only an important factor in civil nation-building, but also a symbolic instrument of international geopolitical struggle. The historical development of the concept of “genocide” in relation to the crimes of the Nazi regime at the level of judicial decisions and federal legislation can be seen as a response to the use of this concept by Eastern European countries as a justification for revising the post-war international order as enshrined in the decisions of the Nuremberg trials. The submission to the Russian State Duma in 2024 of a bill “On perpetuating the memory of the victims of the genocide of the Soviet people during the Great Patriotic War of 1941–1945” leaves a number of questions unanswered. First of all, these consists in the problem of interpreting the concept of “a people” from the point of view of the ethnic or civic understanding of the nation. In addition, a question arises concerning the correlation of newly developed categories of memorial legislation with concepts already enshrined in existing regulatory acts (victims of the Great Patriotic War).

Keywords: genocide; trauma; memory law; Soviet people; crime against humanity; memory wars; instrumentalisation; peoples